

СОВРЕМЕННЫЕ БИБЛИОТЕКИ: КУЛЬТУРНЫЙ, ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ, НАУЧНЫЙ ПОТЕНЦИАЛ

Арпентьева Мариям Равильевна

Библиотека настоящего и будущего: от постмодерна к постпостмодерну

Статья посвящена анализу тенденций развития современной библиотеки в контексте представлений об особенностях постпостмодерна. Постмодерн внес в работу современных библиотек существенную дезорганизацию и множество проблем, решение многих из которых связано с формированием «цифровой культуры» (медиакультуры). Медиакультура – знания и умения работы, обучения и отдыха с использованием цифровых или медиатехнологий. Библиотека – место и время формирования и проявления, развития и коррекции медиакультуры учащихся и обучающихся.

Ключевые слова: публичная библиотека; история библиотечного дела; постпостмодерн; культура; медийная (цифровая) культура.

Mariam R. Arpentieva

Public Library of the Present and the Future: from Postmodern to Postpostmodern

The article is devoted to the analysis of the modern public library development trends in the context of ideas about the features of post-postmodern. Postmodern introduced to the work of modern public libraries a significant disorganization and variety of problems, the solution of many of which is connected with the formation of a «digital culture» (media culture). Media culture is a system of the knowledge and skills of work, education and recreation using digital or media technologies. The library is a place and time of formation and manifestation, development and correction of media culture of students and trainees.

Keywords: public library; history of librarianship; postpostmodern; culture; media (digital) culture.

Библиотека сегодня превращается в многофункциональный социокультурный центр. Читатель приходит сегодня в библиотеку не только за книгой, но и за общением, удовлетворением и реализацией своих способностей, талантов, персональных и социальных амбиций, за интеллектуальным и иным структурированным и полезным досугом, за информацией для учебы, работы, семьи и т. д. Опыт зарубежных библиотек, в которых электронные технологии стали развиваться много раньше, свидетельствует о том, что в составе фондов библиотек только 20-30 % книг на электронных носителях, остальные – обычные. Образ современной библиотеки – это образ меняющейся и мобильной библиотеки, способной удивлять посетителя. Это качество – удивлять, вызывать интерес, любопытство – становится основным мотивом ее деятельности. Это предполагает использование нетипичных форматов работы, например, читатели, которые становятся инициаторами и активными участниками новых библиотечных проектов, таких как книжные фримаркеты (свободный, бесплатный обмен книгами) и фестивали культуры, «библионочи» и летние читальные залы в парке, буккросинг и мастер-классы по ремонту книг, рукоделию, поэтические чтения и сезоны, молодежные квартирник, фестивали книги и чтения, организация любительских клубов и объединений по интересам, социальные проекты по обучению людей компьютерной грамотности, проекты типа «мобильные библиотеки» и т. д. Библиотека – уникальный

информационный центр, предоставляющий пользователю необходимые базы данных и медиа-продукты, место образования и самообразования, место встреч и досуга, место труда. Публичная библиотека является прекрасной площадкой презентации новых изданий и творчества писателей, поэтов, ученых. Библиотека может стать тем звеном, которое объединит по интересам не только читателей, но и просто желающих пообщаться: путь выживания библиотеки – это ее переформатирование из места, предоставляющего услуги хранения и выдачи книг в территорию общения. Большое будущее у Ideas Box – революционного концепта, разработанного организацией «Библиотекари без границ» для лагерей беженцев и бедных стран, его можно использовать везде, где возникает необходимость в передвижной библиотеке. Есть и бескнижные библиотеки, но им не вытеснить традиционные библиотеки. Есть новые (электронные) устройства для чтения (в том числе с ручка-переводчик, цифровой маркер, электронная закладка и т. д.) и печати книг (книжная эспрессо-машина).

Однако, все это – внешние перемены, необходим анализ внутренних процессов библиотеки как феномена культуры, в том числе культуры постмодерна и постпостмодерна. Современное библиотечное дело остро нуждается в осмыслении тенденций развития современной библиотеки в контексте представлений об особенностях постпостмодерна (post-postmodernism). Постмодерн (postmodernism) внес в работу современных библиотек существенную дезорганизацию и множество проблем, разрешение многих из которых связано с формированием «цифровой культуры» (медиакультуры). Медиакультура – знания и умения работы, обучения и отдыха с использованием цифровых или медиатехнологий. Библиотека – место и время формирования и проявления, развития и коррекции медиакультуры учащихся и обучающихся. Постпостмодернизм (Н. Маньковская, В. Бычков) [1], эпоха «заката метанарраций» или альтермодерн [2], трансмодерн [3], «псевдомодернизм» или «цифродернизм» [4] и «метамодернизм» [5] как течение связано с возможностью преодоления постмодернистской множественности и симуляций, с развитием нового романтизма и восстановлением «прав» романтизма старого. Центральные понятия этого времени – гиперреальность, в том числе гиперреальность цифрового мира, виртуальная квазиреальность и интерактивность в «виртуальном мире», гетерохронность (понимание реальности как соединения множества темпоральностей), глокализация, транссентиментализм, «обратная пародия» [6]. Жизненная игра становится серьезной, утрачивая постмодернистскую легкость, происходит «преодоление иронии через архаику» (М. Эпштейн), наступает «торжество самоорганизующихся виртуальных систем» [7], уход от «аксиологического ацентризма», от микшированности культуры, несистемной мозаики фрагментов различных традиций, от плюрализма, вариативности, эклектического, «обнуляющего» перемешивания национальных и иных традиций [7, с. 356-357; 8, с. 334-335; 9]. В постмодерне, согласно Ф. Джеймисону, нарративная процедура «творит реальность» [10; 11], постулируя ее относительность, частичность. Поэтому конструирование человеком или группой своей «истории» (истории своей жизни) как рассказа – ведущий способ идентификации (понимания себя и мира), вызывает сомнительность аутоидентификации и идентификации (понимания) других людей и ситуаций, которая во времена модерна понималась как данное [12]. Этот «кризис идентификации» [13] означал и кризис судьбы. Рассматривая «кризис идентификации» в постмодернистской культуре, педагогика констатирует «нарративную этиологию» данного кризиса и отмечает важность целенаправленного формирования «контрнарративных импринтингов»: программы «неоимпринтингологии» – не просто методики «воскрешения субъекта», но проявления отчаяния культуры, разрушившей механизмы социализации индивида в традиции, необходимые для (ре)трансляции,

(вос)создания культуры в целом. Необходим «возврат утраченных значений» – и в денотативном, и в аксиологическом смыслах [13]. Современная культура рассматривается как культура «экстаза коммуникации» [14], при этом фрагментированный «нарративами» субъект может быть собран только посредством Другого (примеры – многочисленны: «бытие-с» у М. Хайдеггера, «со-бытие с Другим» у Ж.-П. Сартра, «бытие-друг-с-другом» у Л. Бинсвангера, «отношение Я – Ты вместо Я – Оно» у М. Бубера, «преодоление отчаяния благодаря данности Ты» у О. Ф. Больнова, «малый кайрос» как подлинность отношения Я с Ты у П. Тиллиха и т. п.). При этом «игра речей и ответов доигрывается во внутренней беседе души с самой собой» [15, с. 139]. О. Апель рассматривает языковую игру как субъект-объектное отношение, субъекты которого друг для друга представляют собой текст [16, р. 202-220], а понимание становится взаимопониманием, при котором обогащающий плюрализм прочтения, однако, предполагает аутентичную трансляцию смыслов в сознание Другого. Здесь важна «не истина объектного, но подлинность субъектного» [17, с. 85], в итоге собственное я находится, обнаруживается «на дне Другого».

Пост-постмодерну свойственна переориентация с автора на читателя: речь о радикальной децентрации текста, дающей шанс (ре)структурировать его вокруг любого семантического узла («плато» смыслов). Текст не истолковывается, а означается (Ю. Кристева) [18]. Читатель – «источника смысла» (Ч. Х. Миллер), чтение – «вкладывание смысла в текст, который сам по себе не имеет никакого смысла» [19, с. 12]. Человек как «*homo viator*», то есть человек странствующий, преодолевающий, стирающий все и всяческие границы, — или «путешествует, или его не существует». При этом в центре внимания находится не столько индивидуум во всей его уникальности и неповторимости, сколько социумы разных уровней и разных типов. «Герменевтическая множественность интерпретаций сменяется мультivozдействием, диалог ...полилогом пользователя с компьютером... сетевые способы передачи информации смещают традиционные пространственно-временные ориентиры» [1, с. 23]. Постмодернизм перепутал способ достижения цели с самой целью, в итоге обнулив их обоих. Метапостмодернизм предлагает рассмотреть цель как нечто лежащее за системами и религиями, как константу, способ и путь достижения которой человек должен найти самостоятельно (индивидуальный духовный рост, процесс осцилляции – колебания смыслов) [12; 16; 19; 20; 21]. Постпостмодерн – это время ресакрализации, время возвращения к ценностям, к культуре. Насколько сложно такое возвращение демонстрируют балансирующие на грани Третьей мировой войны «цивилизованные страны»: защищая «демократию» без границ, забывают о сути – демократии как учете мнений и позиций всех людей. Границы, же, как показывает транскультурализм, – выполняют важные для культуры и всего человечества функции. Они позволяют человеку принимать свою конечность, зависимость, неприятие, трансформируя их в процессе ресакрализации в свободу, творчество и любовь. Там же, где человек живет в любви, представления о справедливости и легитимности — такая же фикция, как и многие иные фикции человеческой жизни. Тогда вопросы культурного и социального большинства и меньшинства решаются не с позиции силы и власти, а с позиций уважения и заботы [7; 17].

Библиотека – место и время образования и самообразования, (ре)трансляции и (вос)создания культуры, в том числе место и время «контрнарративных импринтингов» культурных ценностей. В библиотеке собраны нарративы самых разных времен и мест, и, вместе с тем, сама библиотека – хранилище всеобщих принципов, в том числе принципов работы с текстом, принципов классификации текстов и т. д. Вневременной характер библиотеки, как и ее внепространственность, проявляются как конструктивные

феномены хранения человеческого опыта, культур народов и народностей разных мест и эпох. Она может стать основой внедрения вновь создаваемых программ «неоимпринтингологии», новой культуры понимания себя и мира в диалоге с другим. В современном мире, мире перехода от постмодерна к пост-постмодерну (метамодерну) мы наблюдаем противоречивую многоаспектную и многоуровневую интеграцию-дезинтеграцию моделей образования, их технологий и идеологий: «точки сборки», идеологические основные образования во всем мире смещаются и «дрейфуют», формируя запрос на поиск новых универсалии или восстановление старых. Особенно сильно это проявляется в сфере цифрового образования или, точнее образования, реализуемого с помощью применения цифровых и медиатехнологий, в том числе в контексте библиотечной работы с использованием данных устройств и технологий. Современное цифровое образование с одной стороны, обогащается идеологией традиционного образования. Формируется и развивается культура цифрового образования и культура взаимодействия человека и цифровых устройств (цифровая культура) в целом. Но с другой стороны, цифровое образование все еще «конкурирует» с традиционным. Очевидно, что данная «конкуренция» имеет иллюзорный, надуманный характер и используется недобросовестными учеными и практиками, стремящимися к развалу образования и перекрытию меритократических лифтов в сообществах с огромным социальным расслоением, особенно таким, как в России и иных странах бывшего СССР. Классическое, традиционное образование, с одной стороны, обогащаясь технологиями цифрового образования, становится более динамичным, более обращенным на развитие разных сторон познавательной компетентности (ее метакогнитивных, декларативных и процессуальных компонентов). С другой стороны, традиционное образование требует компетентности в использовании цифровых технологий, включая их парциальный запрет и ограничение, а также четкую локализацию форм, методов и ситуаций привлечения.

В итоге мы видим, как, хотя и с трудом, возобновляются интегративно-развивающие, центростремительные тенденции, а работе библиотек и иных культурно-образовательных учреждений, читатели, ученики и т. д. возвращаются в библиотеки, школы и университеты, дома культуры. Напротив, деструктивные, негативные тенденции ослабевают, центробежные силы все еще поддерживаются ТНК и иными представителями бизнеса и власти, стремящимися закрепить свою власть и богатство за своими потомками, родом, и лишит таковой других людей и их потомков, навсегда. Однако, как бы они не хотели этого, остановить процессы перемен невозможно, именно поэтому Великобритания – мировой лидер в производстве и запуске деструктивных моделей образования и культуры не только для своих граждан, но и для людей всей планеты, уже несколько лет как перешла к преподаванию, опирающемуся на идеи советского образования.

1. Маньковская, Н. От модернизма к постпостмодернизму via постмодернизм / Н. Маньковская // Коллаж-2. – Москва : Институт Философии Российской Академии Наук, 1999. – 133 с. – С. 18-25.

2. *Altermodern*. Tate Triennial 2009 / N. Bourriaud, ed. – London : Tate Publishing, 2009. – P. 12

3. Zavarzadeh, M. The Apocalyptic Fact and the Eclipse of Fiction in Recent American Prose Narratives / M. Zavarzadeh // Journal of American Studies. – 1975. – Vol. 9. – № 1. – JSTOR 27553153.

4. Kirby, A. Digimodernism: How New Technologies Dismantle the Postmodern and Reconfigure our Culture / A. Kirby. – New York/London : Continuum, 2009. – P. 1.

5. Vermeulen1, T. and van den Akker, R. Notes on metamodernism / T. Vermeulen1 and R. van den Akker // Journal of aesthetics & culture. – 2010. – Vol. 2. – P. 1-14.

6. Бицилли, П. М. Державин – Пушкин – Тютчев и русская государственность / П. М. Бицилли // Сборник статей, посвященных П. Н. Милюкову. 1859–1929 / ред. ком. : Евреинов Б. А., Кизеветтер А. А., Лосский Н. О., Славик Я., Шмурло Е. Ф. – Прага : Типография «Орбис», 1929. – XV, 548 с.
7. Беспалая, О. П. После постмодерна: альтермодерн, трансмодерн, постпостмодерн / О. П. Беспалая // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. – 2014. – № 3. – С. 20-22.
8. Lyotard, J.-F. La condition postmoderne: Rapport sur la savoir / J.-F. Lyotard. – Paris : Galilee, 1979. – 197 p.
9. Лиотар, Ж.-Ф. Постмодернистское состояние: доклад о знании / Ж.-Ф. Лиотар // Философия эпохи постмодерна. – Минск : Красико-принт, 1996. – С. 140-158.
10. Джеймисон, Ф. Постмодернизм, или Логика культуры позднего капитализма / Ф. Джеймисон // Философия эпохи постмодерна. – Минск : Красико-принт, 1996. – С. 118-137.
11. Jameson, F. The political Unconscious: Narrative as a socially symbolic Act / F. Jameson. – L., 1981. – 296 p.
12. Giroux, A. A., Lankshear, C., McLaren, P., Peters, M. Conternarratives / A. A. Giroux, C. Lankshear, P. McLaren, M. Peters // Cultural Studies of Culture Pedagogues in Postmodern Space. V. I, II. – London, New York, 1996. – 195 p., 195p.
13. Ward, G. Postmodernism / G. Ward. – London, Chicago : Hodder & Stoughton Wheeler, 1997. – 186 p.
14. Baudrillard, J. Extasy of Communication / J. Baudrillard // The Anti-Aesthetic. Essays on Postmodern Culture / Ed. H. Foster. – Port Townsend : Bay Press, 1983. – P. 126-133.
15. Гадамер, Х.-Г. Человек и язык / Х.-Г. Гадамер // От Я к Другому. Сборник переводов по проблемам интерсубъективности, коммуникации, диалога. – Минск : Менск, 1997. – С. 130-141.
16. Апель, К.-О. Трансцендентально-герменевтическое понятие языка / К.-О. Апель // От Я к Другому. Сборник переводов по проблемам интерсубъективности, коммуникации, диалога. – Минск : Менск, 1997. – С. 202-220.
17. Можейко, М. А. От постмодерна к пост-постмодерну: современные социокультурные трансформации и новейшие тенденции философия языка / М. А. Можейко // IDIL. – 2012. – Vol.1, № 1. – P. 71-86.
18. Kristeva, J. Bakhtin, le mot, le dialogue et roman / J. Kristeva // Critique. – № 239 (Vol. 23). – P., 1967. – P. 21-49.
19. Miller, J. H. Tradition & difference. Review of M. H. Abram's Natural supernatura / J. H. Miller // Diacritics. – Vol. 2. № 2. – Baltimore, 1972. – P. 9-12.
20. Барт, Р. Смерть автора / Р. Барт // Барт Р. Избранные работы. Семиотика. Поэтика. – Москва : Прогресс, 1989. – С. 384-391.
21. Делез, Ж., Гваттари, Ф. Ризома / Ж. Делез, Ф. Гваттари // Философия эпохи постмодерна. – Минск : Красико-принт, 1996. – С. 9-31.

Березкина Наталья Юрьевна

Социокультурная деятельность публичных библиотек Беларуси: инновационный подход

Рассматриваются инновационные модели и формы социокультурной деятельности библиотек Беларуси. Инновационные проекты и программы, реализуемые в библиотеках с целью приобщения к книге, весьма разнообразны. Актуальным и перспективным направлением библиотечной деятельности является ивент-менеджмент.

Ключевые слова: библиотеки; социокультурная деятельность; инновации; ивент-менеджмент.